

О.А. Кузнецова

О ПОНЯТИИ ФИКТИВНОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ

Фиктивность характерна для отношений, регулируемых различными отраслями права: от уголовного и административного до гражданского и семейного. Число фиктивных правоотношений растет, они представляют серьезную опасность для правопорядка, их субъекты вводят в заблуждение не только государственные органы, например, регистрирующие сделки, браки, но и обманывают добросовестных контрагентов и третьих лиц, участвующих в правоотношении. При этом, обстоятельного научного анализа этих правоотношений нет и, как следствие, нормативно-охранительное регулирование в этой области далеко от совершенства.

Одной из первых в отечественной правовой литературе фиктивность исследовала Н.Н. Тарусина в семейно-правовых отношениях. Она же первой поставила вопрос о необходимости обоснования и выделения специального семейно-правового института недействительности фиктивных состояний¹. Безусловно, в семейно-правовых отношениях фиктивность проявляется наиболее часто и в самых разнообразных формах (фиктивный брак, развод, усыновление, раздел имущества, брачный договор, иск об алиментах и др.).

Однако известны и другие фиктивные отношения – уголовно-правовые, административно-правовые. Нередко фиктивность проявляется в гражданских правоотношениях, встречаются элементы фиктивности в трудовой сфере и в судебных процессуальных отношениях. Поэтому, на наш взгляд, следует ставить вопрос о разработке комп-

лексного межотраслевого института фиктивности в праве, в основу которого должна быть положена теория фиктивного правоотношения. Отдельные фиктивные правовые отношения уже были предметом самостоятельного анализа в правоведении. В уголовно-правовой литературе дается характеристика фиктивного банкротства² и фиктивного предпринимательства (лжепредпринимательства)³. В литературе по трудовому праву характеризуется фиктивность трудового договора⁴. Цивилисты исследуют мнимые и притворные сделки как разновидности фиктивных сделок. Еще раз подчеркнем, что глубокому анализу и изучению подверглись и семейно-правовые состояния, и акты.

В то же время эти и другие фиктивные проявления в правоотношениях не систематизированы, хотя у них можно обнаружить много общих черт и признаков. Это «общее», на наш взгляд, и должно быть положено в основу теории фиктивных правоотношений. Исследования отдельных фиктивных правоотношений представляют собой определенный эмпирический базис для будущей теории фиктивных правоотношений и в связи с этим представляются крайне важными. Следующим шагом в разработке теории должна

¹ См.: Тарусина Н.Н. О фиктивных семейно-правовых состояниях // Правоведение. 1983. № 2. С. 87; Ее же. Семейное право: Учебное пособие. М., 2001. С. 142.

² См., например: Яни П. Криминальное банкротство. Банкротство преднамеренное и фиктивное // Законодательство. 2000. № 3; Клепицкий И.А. Банкротство как преступление в современном уголовном праве // Гос-во и право. 1997. № 11; Колб Б. Злоупотребления при банкротстве // Законность. 2002. № 5.

³ См., например: Котин В. Ответственность за лжепредпринимательство // Законность. 1997. № 6; Волобуев А.Ф. Фиктивное предпринимательство как способ сокрытия тяжких экономических преступлений // Росс. юстиция. 2001. № 6; Лопашенко Н. Разграничение лжепредпринимательства и мошенничества // Законность. 1997. № 9.

⁴ См.: Комментарий к Кодексу законов о труде РФ / Под ред. В.И. Шкатуллы. М., 1997. С. 490.

стать систематизация и объяснение тех правовых явлений, которые охватываются термином «фиктивные правоотношения», и построение теории как системы знаний о них. Прежде всего, необходимо обосновать выбор именно этого термина. Н.Н. Тарусина предложила называть рассматриваемые явления фиктивными правовыми состояниями, определяемые ею как «отношения (действия, положения), по форме полностью соответствующие требованиям закона, но по содержанию противоречащие ему»¹. К фиктивным семейно-правовым состояниям она относит фиктивные браки, разводы, признание отцовства, раздел общего имущества супругов, усыновление, иск об алиментах², а в более поздних работах – еще и фиктивное заявление о вступлении в брак, фиктивный брачный договор³. Однако термин «состояния» не охватывает все из перечисленных фиктивных явлений. Если «состоять» в фиктивном браке или разводе еще можно, то «состоять» в фиктивном иске об алиментах или в фиктивном заявлении о вступлении в брак никак нельзя. Следует отметить, что в своих последних работах Н.Н. Тарусина отказалась от термина «состояние» и говорит о «фиктивности в семейном праве», указывая, что фиктивным может быть действие или отношение⁴. Другой исследователь юридических фикций О.А. Курсова, поддерживая определение фиктивных правовых состояний, данное Н.Н. Тарусиной, выделяет наряду с ними фиктивные акты и проступки (лжесвидетельство, фальсификация документов, фиктивные сделки) и называет их фикциями в сфере реализации права⁵.

В основе любого правоотношения, в том числе состояния, лежит определенный юридический факт, им может быть либо дей-

ствие (заключение сделки, регистрация брака, регистрация юридического лица, регистрация гражданина в качестве предпринимателя и др.), либо событие (смерть, рождение, наступление срока и др.). Юридический факт может повлечь правоотношение, в том числе и фиктивное. При этом, сам он быть фиктивным не может, поскольку имел место в реальной действительности, т.е. он не плод воображения субъектов правоотношения. Поэтому в соответствии с семейным законодательством РФ, фиктивный брак как «воображаемое» правоотношение признается судом недействительным, а актовая запись о таком браке в органах загса аннулируется на основании решения суда⁶. Игнорирование этого обстоятельства приводит как к пробелам в законодательстве РФ, так и к ошибкам в доктринальных суждениях. Например, в Федеральном законе от 8 августа 2001 г. «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»⁷ отсутствуют нормы об аннулировании записи о регистрации фиктивных юридических лиц, созданных в результате совершения такого преступления, как лжепредпринимательство. Федеральный закон от 21 марта 2002 г. «О приведении законодательных актов в соответствие с законом «О государственной регистрации юридических лиц»» не предусматривает возможность признания регистрации юридического лица недействительной⁸, а по смыслу действующей редакции ст. 61 ГК РФ при фиктивности юридического лица как формы неустранимых грубых нарушений закона при его создании оно подлежит ликвидации. Однако каким образом ликвидировать несуществующую, воображаемую организацию? Удачнее было бы в законодательстве РФ для таких случаев предусмотреть институт аннулирования регистрации юридического лица. Институт аннулирования государственной регистрации отсутствует и в Феде-

¹ Тарусина Н.Н. О фиктивных семейно-правовых состояниях. С. 84.

² См.: там же. С. 85-86.

³ См.: Тарусина Н.Н. Семейное право. С. 135, 141.

⁴ См.: там же. С. 134.

⁵ См.: Курсова О.А. Юридические фикции современного российского права: сущность, виды, проблемы действия // Проблемы юридической техники: Сб. стат. / Под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 457.

⁶ Об актах гражданского состояния. Статья 75 Федерального закона от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ // Росс. газ. 1997. 20 ноября.

⁷ СЗ РФ. 2001. № 33 (ч. 1). Ст. 3431.

⁸ СЗ РФ. 2002. № 12. Ст. 1093.

ральному закону от 21 июля 1997 г. «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним»¹. В то же время при признании фиктивных сделок, прошедших государственную регистрацию, недействительными необходимо аннулировать и действия, их породивших.

Н.Н. Тарусина, анализируя фиктивное усыновление, пишет: «СК РФ 1995 г., введя судебный порядок установления усыновления..., отказался от института недействительности усыновления, т.к. суд не может участвовать в правонарушении...»². Но суд при фиктивном усыновлении не участвует в фиктивном усыновлении. В нем участвует усыновитель (или усыновители). Суд лишь принимает решение об усыновлении, причем решение нефиктивное, оно не только имело место в действительности, но и было принято с намерением породить соответствующие усыновлению правовые последствия. Именно отсутствие такого намерения является отличительной чертой фиктивности. Поскольку институт аннулирования судебного решения не известен российскому процессуальному праву, в актах официального судебного толкования предлагается при установлении фиктивности усыновления отменять судебное решение³.

Представляется крайне важным разграничение юридического факта, породившего правоотношение, и самого правоотношения. Последнее может быть признано фиктивным, а первое лишь аннулировано на основании соответствующего решения, поскольку юридический факт имел место в действительности, а правоотношение было воображаемым. Таким образом, фиктивным может быть только правоотношение, видимость которого последовала или должна была последовать после наступления реального юридического факта. Поэтому, на наш

взгляд, для характеристики исследуемых фиктивных явлений в праве представляется возможным в качестве родового использовать термин «фиктивное правоотношение», поскольку оно охватывает и состояния (фиктивные брак и развод), и действия (фиктивные сделки), и деятельность (фиктивное предпринимательство), и другие формы общественных отношений.

В юридической литературе отсутствуют примеры определения места фиктивных правоотношений среди других правовых категорий. В целом они справедливо называются «негативными явлениями, противоречащими основам правопорядка и нравственности»⁴. Однако их сущность намного глубже: по своей юридической природе создание фиктивного правоотношения является правонарушением. В теории права правонарушение рассматривается как противоправное общественно опасное виновное и наказуемое деяние. В создании фиктивных правоотношений мы можем обнаружить все эти признаки правонарушения, имеющие определенные особенности.

Создание фиктивного правоотношения – противоправно. Традиционно противоправность рассматривается как нарушение норм права. Однако субъекты фиктивных правоотношений не нарушают формальных требований правовых норм, а в некоторых случаях не нарушают и чужие субъективные права. Фиктивное правоотношение противоречит духу, содержанию закона. Эта специфика его противоправности влечет серьезные сложности при квалификации фиктивности в правоотношении. Намного проще обнаружить правонарушение, непосредственно противоречащее конкретной норме права. Например, убийство запрещено (норма), человек совершил убийство (деяние), следовательно, имеет место правонарушение (квалификация).

Думается, что создание фиктивного правоотношения является особой формой злоупотребления правом. Каковы же критерии злоупотребления правом, «противоречия

¹ СЗ РФ. 2002. № 15. Ст. 1347.

² Тарусина Н.Н. Семейное право. С. 139.

³ О применении судами законодательства при рассмотрении дел об установлении усыновления. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 4 июля 1997 г. // Росс. газ. 1997. 19 июля.

⁴ Курсова О.А. Указ. соч. С. 457.

духу закона» при создании фиктивного правоотношения? Прежде всего, создание фиктивного правоотношения не соответствует социальному назначению того правоотношения, форма которого недобросовестно используется, следовательно, фиктивное правоотношение является особой разновидностью злоупотребления правом. В.П. Грибанов определяет злоупотребление правом как «особый тип гражданского правоотношения, совершенного управомоченным лицом при осуществлении принадлежащего ему права, связанный с использованием недозволенных конкретных форм в рамках дозволенного ему законом общего типа поведения»¹.

Действительно, гражданин имеет право на заключение сделки, вступление в брак, создание юридического лица и другие правомерные действия. Но в фиктивных правоотношениях эти права осуществляются в недозволенных формах. Недозволенная форма осуществления права в фиктивных правоотношениях общая – это создание видимости правоотношения, отсутствие составляющих его содержание прав и обязанностей. Предоставление нормами позитивного права субъективных прав и их реализация соотносятся как категории «возможного» и «действительного». «Субъективное право как вид возникает только при наличии условий, указанных в законе, и направлено на достижение целей, предусмотренных юридическими нормами. Но условия, с которыми связывается возникновение субъективного права, может вызвать к жизни и другие возможности (корыстные, противоправные)»². Наличие условий для вступления в брак и отсутствие препятствий к его заключению, а также государственная регистрация брака предоставляет различные возможности: от создания семьи до получения прописки, наследства и иных благ. Только от субъекта правоотноше-

ния зависит, какие возможности он воплотит в действительность.

Но дело не только в использовании недозволенной формы осуществления права. Осуществлению права предшествует необходимость решения субъектом трех вопросов: во-первых, каким правом воспользоваться; во-вторых, к какой цели он стремится; в-третьих, какими средствами, способами и формами поставленной цели достичь³. Субъект фиктивного правоотношения при ответе на первый вопрос, т.е. при выборе субъективного права, не совершает какого-либо противоправного деяния и не может совершить его. В фиктивном правоотношении реализуются права, которые предоставлены законом: гражданин имеет право заключить сделку, вступить в брак, создать юридическое лицо, заниматься предпринимательской деятельностью.

Противоправность при создании фиктивных правоотношений обнаруживается при выборе цели и формы для ее достижения. Характер формы фиктивного правоотношения нами уже отмечен. В то же время не менее важным является анализ цели создания фиктивного правоотношения. Злоупотребление правом нередко определяется как «форма реализации права в противоречии с его назначением»⁴, т.е. с нарушением цели, для достижения которой право предоставляется. В фиктивных правоотношениях субъективные права используются в недозволенных формах и для достижения иных, не предусмотренных законом, целей. Другими словами, создается «пустое правоотношение», явно не соответствующее целям правового регулирования общественных отношений.

Субъекты фиктивного правоотношения стремятся к тому, чтобы не допустить реализацию прав и свобод, составляющих содержание правоотношения; в этом, на наш взгляд, и состоит противоправность цели

¹ Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав / В кн.: Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000. С. 63.

² Ерошенко А.А. Осуществление субъективного гражданского права в противоречии с его назначением // Правоведение. 1972. № 4. С. 29.

³ См. подробнее: Воеводин Л.Д. О пределах осуществления конституционных прав и свобод советских граждан // Вестник МГУ. Сер. 11. Право. 1984. № 2. С. 5.

⁴ См.: Малиновский А.А. Злоупотребление правом. М., 2002. С. 39.

создания фиктивного правоотношения. При этом, они всегда стремятся к какому-либо иному результату, который может быть как противоправным, например, незаконное получение кредита, так и правомерным, например, заключение фиктивного брака для того, чтобы «считаться замужем».

В исследованиях, посвященных злоупотреблению правом, справедливо указывается, что все его способы и формы невозможно перечислить в тексте нормативного правового акта¹. На основании этого некоторые авторы отказывают злоупотреблению правом в статусе правонарушения. Так, В.И. Крусс пишет, что злоупотребление правом отличается от правонарушения, так как перечень правонарушений определить в законе можно, а перечень случаев злоупотребления правом – нельзя². Действительно, в законодательстве РФ непосредственно упоминаются лишь несколько фиктивных правоотношений: фиктивное банкротство, фиктивные сделки, фиктивный брак, лжепредпринимательство. Однако фиктивность в правоотношениях более многовариантная. И исключать иные фиктивные правоотношения из числа противоправных деяний недопустимо. Во-первых, они нарушают общий конституционный запрет на осуществление прав и свобод с нарушением прав и свобод других лиц (ч. 3 ст. 17 Конституции РФ). Во-вторых, аналогичные запрещающие нормы содержатся и в отраслевом законодательстве РФ (ст. 10 ГК РФ, ст. 7 СК РФ). В-третьих, злоупотребление правом противоречит духу закона, его принципам. Таким образом, создание фиктивного правоотношения во всех случаях является противоправным.

Общественная опасность (вредность) – второй признак создания фиктивного правоотношения. В целом его вредность состо-

ит в том, что субъекты преследуют цель – получение определенных благ и преимуществ – обманным путем. Причем вред, причиненный добросовестным контрагентом в правоотношении и третьим лицам, может быть как моральным, так и материальным. Например, при ложном объявлении о банкротстве руководитель должника стремится получить скидку с долга или прощение его. Значительный вред, зачастую очень большой, причиняется и государству, например, лжепредприниматели нередко заключают фиктивные внешнеэкономические сделки и не обеспечивают возврат валютной выручки на территорию РФ. Фиктивные правоотношения часто создаются и для уклонения от уплаты налогов, например, заключаются притворные сделки, мнимые сделки («фиктивное страхование работников для уклонения от уплаты налога на доход»)³. Создание фиктивного правоотношения может нанести и глубокую моральную травму, что характерно, прежде всего, для фиктивных семейно-правовых отношений. Все это убеждает в общественной опасности фиктивных правоотношений. Степень такой общественной опасности может быть различной, поэтому одни фиктивные правоотношения преследуются в уголовном и административном порядке, а в отношении других характерно применение гражданско-правовых и семейно-правовых санкций.

Третьим признаком создания фиктивного правоотношения является наличие вины в деянии его субъектов. Известны две ее формы: умысел и неосторожность. В уголовном и административном праве принято различивать умысел на прямой и косвенный, а неосторожность – на легкомыслие и небрежность. В этих отраслях права традиционным является закрепление в законодательстве РФ дефинитивных норм, раскрывающих понятие форм вины и их разновидностей. В гражданском законодательстве РФ упоминаются умысел и два вида неосторожности

¹ См.: Малиновский А.А. Злоупотребление правом: теоретические аспекты // Журнал рос. права. 1998. № 7. С. 72; Гаджиев Г.А. Принципы добросовестности и недопустимости злоупотребления субъективными гражданскими правами // Гос-во и право. 2002. № 7 С. 60.

² См.: Крусс В.И. Актуальные проблемы злоупотребления правами и свободами человека // Гос-во и право. 2002. № 7. С. 49.

³ См. подробнее: Макаров Д.Г. Теневые формы уклонения от уплаты налогов // Юрид. мир. 2002. № 11. С. 37-42.

(грубая и простая неосторожность), однако легального определения этим понятиям не дается. В цивилистической доктрине об умысле говорится тогда, когда «из поведения лица видно, что оно сознательно направлено на правонарушение», а о неосторожности – когда «отсутствуют элементы намеренности»¹.

Фиктивные правоотношения совершаются всегда умышленно, лицо намеренно старается избежать правовых последствий, характерных для реального правоотношения, преследуя при этом какую-либо иную, зачастую противоправную цель. Причем субъект фиктивного правоотношения создает его всегда с прямым умыслом, он осознает общественную вредность своего деяния, предвидит наступление выгодных для него последствий и желает их наступления.

Последним признаком создания фиктивного правоотношения является наличие мер государственного воздействия, применяемых к его субъектам. Эти меры могут быть выражены как в виде юридической ответственности, так и в виде санкций иного характера. Санкция может наступать только путем применения государственного принуждения либо уголовного или административного наказания, либо признания фиктивного правоотношения недействительным. За совершение фиктивного предпринимательства или фиктивного банкротства уголовным и административным законом предусмотрены лишения и имущественного (штраф), и личного характера (лишение свободы). При применении государственного принуждения за совершение фиктивной сделки или заключение фиктивного брака их участники приводятся в первоначальное положение, существовавшее до правонарушения.

Таким образом, фиктивное правоотношение можно определить как общественно вредное, формально соответствующее закону, умышленно созданное для достижения

противоречащих его социальному назначению целей правоотношение, к субъектам которого применяются меры государственного воздействия.

Основанием для применения мер государственного воздействия является наличие в деянии лица элементов состава правонарушения как совокупности объективных и субъективных признаков, характеризующих деяние как правонарушение. Такое понимание состава правонарушения характерно для наук уголовного права и административного права². В гражданско-правовой литературе основание ответственности рассматривается как совокупность четырех условий: противоправности, вреда, причинно-следственной связи между противоправным деянием и вредом, вины. Предлагалось использовать и традиционные элементы состава правонарушения (объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона) для характеристики и гражданско-правовой ответственности, что, на наш взгляд, достаточно обоснованно и допустимо³. Лишь в семейно-правовой литературе умалчивается о составе семейно-правового деликта, хотя наличие семейно-правовой ответственности и не оспаривается⁴.

Для анализа создания фиктивного правоотношения необходимо исследовать содержание всех элементов состава этого правонарушения.

Объектом создания фиктивного правоотношения являются общественные отношения, регулируемые и охраняемые различными отраслями права.

Объективная сторона правонарушения представляет собой совокупность признаков, характеризующих его внешнюю сторону. К таким признакам относятся: противо-

¹ Гражданское право: Учебник. Ч. 1 / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 1999. С. 576.

² См., например: Уголовное право. Общая часть: Учебник для вузов / Отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова. М., 2001. С. 115; Административное право: Учебник / Под ред. Ю.М. Козлова, Л.Л. Попова. М., 1999. С. 319.

³ См.: Алексеев С.С. О составе гражданского правонарушения // Правоведение. 1958. № 1. С. 47.

⁴ См.: Данилин В.И., Реутов С.И. Юридические факты в советском праве. Свердловск, 1989. С. 100.

правное деяние, вред и наличие причинно-следственной связи между деянием и вредом. Подчеркнем, что противоправность при создании фиктивного правоотношения носит особый характер: формально требования правовых норм не нарушаются, нарушается их сущностное содержание, вероятно, речь должна идти о нарушении принципов права. Ведь право охраняет не брак, не сделку, не предпринимательство как таковые, а брак, сделку и предпринимательство, соответствующие их социальному назначению. При создании фиктивного правоотношения это соответствие отсутствует, поэтому оно и должно рассматриваться как противоправное.

Противоправность деяния правонарушителя тесно связана с причиняемым им вредом. При квалификации правоотношения как фиктивного вред должен рассматриваться в широком смысле: «...любое противоправное поведение ... приносит тот или иной вред. Оно нарушает нормальное осуществление общественных отношений, создает в них недостатки...»¹.

Вред может быть причинен контрагенту в правоотношении. Очень часто фиктивное правоотношение создается «усилиями» обеих его сторон для нарушения прав и интересов третьих лиц, в том числе и государства. Например, фиктивная сделка заключается для уклонения от уплаты налогов, очевидно, что имущественный вред причиняется только государству, а не другой стороне правоотношения. При подаче женщиной фиктивного иска к своему супругу (не бывшему, а действительному) о взыскании алиментов на ребенка с целью уменьшения размера алиментов, выплачиваемых на других его детей, например, от предыдущих браков, нарушаются права и интересы не ответчика (другой стороны в алиментном правоотношении), а других детей. В этом случае ответчик не только не ущемляется в своих каких-либо правах, но и получает определенное преимущество: увеличивается доход его семьи, в

том числе и его лично. В этих и аналогичных ситуациях не приходится говорить о вреде, причиняемом другой стороне фиктивного правоотношения, здесь вред наносится правам и интересам третьих лиц. Но есть примеры фиктивных правоотношений, в которых вред не причиняется ни контрагентам, ни третьим лицам. Например, немолодая женщина, желая «быть замужем как все», стремясь создать видимость благополучной семьи и замужней женщины, попросила своего доброго знакомого зарегистрировать с ней фиктивный брак. В этом случае не причиняется вред ни другой стороне правоотношения, ни третьим лицам, хотя последние в некотором смысле и вводятся в заблуждение, но вряд ли этот вред можно признать юридически значимым. Вред здесь носит самый общий характер. Он выражается именно в «создании недостатков в нормальном осуществлении общественных отношений», в том, что предоставленные законом права используются «вразрез» с их социальным назначением, для достижения не тех целей, для которых они предоставляются.

С другой стороны, для конструкции объективной стороны некоторых фиктивных правоотношений необходимо установить конкретный размер причиненного вреда. В соответствии со ст. 173 и 197 УК РФ состав лжепредпринимательства и фиктивного банкротства считается оконченным только с момента причинения крупного ущерба. В других случаях, например, при заключении фиктивных сделок и браков, наличие вреда как условия применения мер государственного воздействия законодателем не используется. Поэтому следует говорить о наличии фиктивных правоотношений с материальным составом (фиктивного предпринимательства и банкротства) и фиктивных правоотношений с формальным составом, для признания которых недействительными достаточно факта их создания, наличие же конкретного морального или материального вреда для применения санкций необязательно.

Субъекты фиктивного правоотношения будут различаться в зависимости от его отраслевой принадлежности.

¹ Тархов В.А. Ответственность по советскому гражданскому праву. Саратов, 2000. С. 137.

Субъективная сторона – это совокупность признаков, характеризующих внутреннюю сторону правонарушения. Общим обязательным признаком является вина его субъекта правонарушения. Подчеркнем, что вина в фиктивном правоотношении может быть только в форме умысла, т.к. лицо намеренно создает фиктивное правоотношение. Факультативными признаками субъективной стороны правонарушения являются его мотив и цель. Мотив – это внутреннее побуждение, вызывающее у лица решимость совершить правонарушение. Мотив является факультативным признаком субъективной стороны создания фиктивного правоотношения, т.к. его установление не является обязательным для квалификации всех фиктивных деяний. Однако мотив важен, например, для разграничения фиктивных и корыстных браков. Брак из корыстных побуждений, «по расчету», в отличие от фиктивного брака, направлен на создание семьи, но при этом он строится не на взаимной любви и уважении супругов, а на стремлении к материальному обогащению за счет другого супруга. Разграничение фиктивного и корыстного браков имеет важное практическое значение: к корыстным бракам закон безразличен, хотя его заключение и нарушает общие принципы семейного права (ст. 1 СК РФ), признать его недействительным, в отличие от фиктивного брака, нельзя.

Цель является обязательным признаком субъективной стороны создания фиктивного правоотношения и должна устанавливаться в каждом случае. В уголовном и административном законодательстве РФ наличие особой цели создания фиктивного правоотношения включено в конструкцию составов соответствующих правонарушений: согласно ст. 173 УК РФ, лжепредпринимательство имеет целью получение кредитов, извлечение иной имущественной выгоды иликрытие запрещенной деятельности, а в соответствии со ст. 197 УК РФ, фиктивное банкротство объявляется в целях введения в заблуждение кредиторов и для неплаты долгов.

В то же время в гражданском и се-

мейном законодательстве РФ отсутствует непосредственное указание на цель как обязательный признак фиктивного правоотношения, что, в свою очередь, приводит к ошибкам в правоприменительной практике. Так, одним из районных судов г. Перми был удовлетворен иск гражданки М. к своему супругу гражданину М. о взыскании алиментов на несовершеннолетнего сына. Находясь в отпуске по уходу за ребенком, гражданка М. предъявила иск к гражданину М. о взыскании алиментов и на свое содержание. Гражданин М. предъявил встречный иск о признании брака с М. недействительным по причине его фиктивности. В ходе рассмотрения дела выяснились следующие обстоятельства. На момент регистрации брака истица и ответчик уже ожидали ребенка. Однако общего хозяйства не вели, вместе не проживали. В день регистрации брака молодожены приехали в дом родителей супруги, но остаться ночевать молодому супругу не разрешили, так как «очень тесно». В квартире ответчика в это время молодоженам выделили отдельную комнату и начали в ней ремонт. В эту квартиру приезжала и истица, но жить там отказывалась, ссылаясь на то, что ремонт в ней не закончен. После рождения ребенка супруги также не проживали вместе, т.к. истцу не устраивали бытовые условия. Свидетели подтвердили, что по просьбе ответчика они неоднократно приезжали за истицей и ребенком на машине, чтобы перевезти ее вещи. Но М. переезжать отказывалась. Суд отказал гражданке М. в удовлетворении иска о взыскании алиментов и признал брак недействительным по причине фиктивности.

Думается, что суд неправильно квалифицировал данный брак как фиктивный. Судя по материалам дела, гражданка М. вступила в брак не без намерения создать семью, но она не знала, как это намерение реализовать. Справедливы по этому поводу слова Л. Максимович: «Часто причина семейного краха заключается в неумении жить вместе, заботиться друг о друге, в нетерпи-

мости и бескомпромиссности, ...и свидетельствует лишь о неготовности к браку, а не о наличии у одного из супругов изначальной установки на заключение фиктивного брака»¹. Очевидно, что такие браки не должны признаваться фиктивными: нежелание и неумение создать семью – это разные понятия. Отсутствие намерения создать семью всегда сопровождается какой-либо иной целью: получение материальных или нематериальных благ. Если же такая цель отсутствует, брак не может рассматриваться как фиктивный. При рассмотрении приведенного выше случая судом не было установлено, что гражданка М. вступила в брак с целью получения каких-либо благ, а на вопрос судьи о причине вступления в брак с гражданином М. истица ответила: «Я его любила». Таким образом, если конкретная цель создания противоправного поведения отсутствует, отсутствует и само фиктивное правоотношение.

Наличие всех элементов состава такого деяния как создание фиктивного правоотношения является основанием применения к правонарушителю мер государственного воздействия. Применяемые при создании фиктивного правоотношения меры юридической ответственности различны.

Наиболее завершенным является правовое регулирование юридической ответственности за совершение фиктивного банкротства: в соответствии со ст. 197 УК РФ и ст. 14.12 КоАП РФ, к правонарушителям применяются меры уголовного или административного наказания, а Арбитражный суд прекращает дело о банкротстве. Статья 173 УК РФ устанавливает уголовное наказание в отношении учредителей за создание лжепредприятий. В то же время судьба самого лжепредприятия, зарегистрированного в установленном законом порядке и обладающего правоспособностью, в законе не решается. Орган, осуществляющий государственную регистрацию юридического лица, вправе обратиться в суд с иском в установленном законом порядке о ликвидации лжепредпри-

ятия, т.к. при его создании были допущены неустранимые нарушения закона (ст. 61 ГК РФ). Но, как отмечалось нами ранее, ликвидировать несуществующую, фиктивную организацию нецелесообразно, а в большинстве случаев невозможно в связи с отсутствием у нее какого-либо имущества. Пункт 14 Положения о государственной регистрации субъектов предпринимательской деятельности предусматривал возможность аннулирования государственной регистрации предприятия в течение семи дней после получения соответствующего решения суда, например, о признании государственной регистрации недействительной. Однако в отношении юридических лиц эта норма утратила силу с 1 июля 2002 г.² Фиктивный брак признается недействительным в соответствии со ст. 27 СК РФ, а актовая запись о таком браке аннулируется. Но вопрос о правовых последствиях такого брака в семейном законодательстве РФ решен лишь частично: согласно п. 1 ст. 30 СК РФ, фиктивный брак не порождает прав и обязанностей супругов, предусмотренных СК РФ. Однако аннулирование супружеских правоотношений не влечет автоматического аннулирования всех других правоотношений. На это обстоятельство неоднократно указывалось в семейно-правовой литературе.

Так, М.А. Рабец предлагал закрепить в семейном законодательстве РФ положение, согласно которому должна аннулироваться актовая запись и все другие записи, вытекающие из такого брака (прописка, направление на работу и др.)³. В. Тадевосян также считал необходимым, в случае признания фиктивного брака недействительным, установить последствия в вопросах жилищных, гражданских и других правоотношений супру-

² Указ Президента РФ от 21 октября 2002 г. «О приведении актов Президента РСФСР и Президента Российской Федерации в соответствие с Федеральным законом от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4228.

³ См.: Рабец М.А. Некоторые вопросы дальнейшего совершенствования союзного и республиканского законодательства о недействительности брака / Проблемы советского семейного права. М., 1980. С. 56-57.

¹ Максимович Л. Фиктивный брак // Закон. 1997. № 4. С. 74.

гов¹. Л. Максимович, например, считает, что при признании брака фиктивным выселение фиктивного супруга из жилого помещения должно производиться в соответствии со ст. 131-137 ЖК РСФСР. В то же время эти статьи такого непосредственного основания для выселения не содержат. Аннулирование прав и обязанностей супругов не является эффективной санкцией для фиктивных супругов, ведь к приобретению этих прав и обязанностей они и не стремятся. Лица, вступающие в фиктивный брак, стремятся к созданию иных правоотношений: жилищных, налоговых, гражданско-правовых и других, а законодатель прямо не указывает на прекращение этих правоотношений.

Фиктивные гражданско-правовые сделки (мнимые и притворные) являются недействительными (ничтожными), и к сторонам такой сделки применяются общие для таких сделок последствия недействительности, при этом отмечается, что недействительная сделка не влечет никаких иных правовых последствий, за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью (п. 1 ст. 167 ГК РФ). Было бы поэтому целесообразно закрепить аналогичную норму и в семейном законодательстве РФ.

Сложнее решить вопрос о юридических последствиях, наступающих при создании фиктивного правоотношения, непосредственно не предусмотренного законом. А таких фиктивных правоотношений, как уже отмечалось, большинство. Среди них можно выделить те, которые охватываются составом правонарушения, предусмотренного законом и, как следствие, за такие фиктивные правоотношения законом установлена какая-либо мера государственного воздействия. Так, одним из фиктивных правоотношений является фиктивное усыновление. Ранее КоБС РСФСР предусматривал возможность признания такого усыновления недействительным, а в семейно-правовых исследова-

ниях проводилось разграничение недействительности усыновления и отмены усыновления². Действующий СК РФ не содержит термина «фиктивное усыновление», а институт признания фиктивного усыновления недействительным исключен из семейного законодательства РФ. В то же время это не означает отсутствия случаев фиктивного усыновления в действительности. В случае установления фиктивности усыновления суд в настоящее время должен отменить усыновление, т.к. фиктивное усыновление охватывается ст. 141 СК РФ, предусматривающей следующие основания для отмены усыновления: уклонение от выполнения обязанностей родителей, злоупотребление родительскими правами, жестокое обращение с детьми, хронический алкоголизм или наркомания усыновителя, а также иные основания, исходя из интересов ребенка и с учетом мнения самого ребенка. Очевидно, что одним из оснований будет являться и фиктивность усыновления.

Другие фиктивные правоотношения, непосредственно не установленные законом и не охватываемые составами правонарушений, предусмотренных законом, не имеют достаточного правового регулирования. К ним относятся, например: фиктивный развод, фиктивный иск об алиментах, подача фиктивного заявления о регистрации брака, фиктивная ликвидация организации, фиктивная регистрация в качестве индивидуального предпринимателя и др. Л.П. Короткова, исследуя проблемы семейно-правовой фиктивности, предложила признавать фиктивные разводы недействительными на основании аналогии закона. Следует согласиться с такой позицией и таким же образом решать вопрос о судьбе всех фиктивных правоотношений, не упоминающихся в законе.

Кроме того, судам можно рекомендовать при обнаружении фиктивности в семейных правоотношениях, использовать п. 2 ст.

---

¹ См.: Тадевосян В. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье и брачно-семейные кодексы союзных республик // Сов. юстиция. 1968. № 17. С. 6.

---

² Азизова А.Ю. Отмена усыновления и признание его недействительным // Вестник МГУ. Сер. 11. Право. 1978. № 6. С. 59-63.

7 СК РФ и отказывать в охране семейных прав (на расторжение брака, на алименты), если они осуществляются в противоречии с назначением этих прав. Отсутствие такой нормы в ранее действовавшем семейном законодательстве РФ ограничивало возможности судов, например, в фиктивном иске о взыскании алиментов. Так, например, считалось, что в соответствии с п. 2 ст. 89 КоБС РСФСР, управомоченное лицо в любом случае может обратиться в суд с иском о взыскании алиментов, и суд отказать в удовлетворении такого иска не вправе, даже если он фиктивный¹. Хотя в советской семейно-правовой литературе и отмечалось, что такой иск «противоречит природе права на алименты»², однако действовавшее законодательство никакой санкции за предъявление такого иска не устанавливало.

Отсутствие упоминания о большинстве фиктивных правоотношений в законодательстве РФ и, как следствие, отсутствие конкретных санкций за их совершение, отсутствие указания на материально-правовые последствия фиктивных правоотношений в виде прекращения всех правоотношений, возникающих на их основе, отсутствие соответствующих процессуальных и процедурных норм – все это ведет к трудностям применения ответственности за создание фиктив-

ных правоотношений. Это еще раз убеждает в необходимости разработки комплексного правового института, в котором эти вопросы были бы решены. Основанием обращения к нормам данного института должно стать установление в деянии лица элементов состава такого деяния, как создание фиктивного правоотношения. Поскольку оно по всем своим признакам является правонарушением, то необходимо применение соответствующих мер государственного воздействия, в том числе мер юридической ответственности. Если закон не устанавливает иного, то государственная реакция за создание фиктивного правоотношения должна быть в виде признания его недействительным. Далее должны быть аннулированы все акты государственной регистрации юридических фактов, послуживших основанием для возникновения такого правоотношения. Кроме того, необходимо установление общего правила: недействительность фиктивного правоотношения не влечет никаких правовых последствий, за исключением тех, которые связаны с его недействительностью. Все реальные правоотношения, возникшие на основании фиктивного правоотношения, также должны считаться недействительными, а соответствующие акты регистрации и другие записи о них должны аннулироваться.

¹ См.: Данилин В.И., Реутов С.И. Указ. соч. С. 95-96.

² См.: Советское семейное право: Учебник / Под ред. В.А. Рясенцева. М., 1982. С. 58.